

Д.И. Сачук, асп. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАТИФИКАЦИОННОЙ КАРТИНЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ

Статья акцентирует внимание на основных этапах изменения стратификационной картины современного российского общества. Автор рассматривает развитие отечественных исследований структуры российского общества за последние двадцать пять лет. Также в статье предпринята попытка вычлнить основные тенденции изменения стратификационной картины постсоветского общества.

Ключевые слова: трансформация стратификационной картины, стратификация, социальная структура, классы, средний класс, креативный класс.

The article focuses attention on basic stages of transformation of a stratification of the modern Russian society. The author describes the development of Russian researches about the structure of Russian society during last twenty five years. Also in article the author takes an attempt to note the main trends of transformation of a stratification of the Russian society during the Post-Soviet period.

Key words: transformation of a stratification, stratification, social structure, classes, middle class, creative class.

Стратификационная картина российского общества за последние двадцать лет претерпела значительные изменения. Сегодня бесспорно только одно: ее трансформация продолжается. Исход же столь кардинальных изменений до сих пор остается неясным. Представляется возможным выделить основные этапы изменения стратификационной картины российского общества.

На основании анализа отечественных эмпирических исследований можно выделить три основных этапа трансформации стратификационной картины российского общества. Первый этап хронологически охватывает период с начала 90-х гг. XX в. до начала XXI в.

Первый подход к оценке стратификационной картины российского общества в 1990-е гг. опирается на традиции классового подхода. Основопологающим критерием стратификации в данном случае выступает отношение к собственности на средства производства, дополнительными критериями — место в организации

---

* Сачук Денис Игоревич, e-mail: sachuk_ptz@mail.ru

труда и размер дохода. На основании этих критериев в стратификационной картине российского общества середины 90-х гг. XX в. выделяются две основные группы: собственники капитала и представители наемного труда. Характерным в российских исследованиях является то, что представителей наемного труда разделяют на занятых в государственном и в частном секторах экономики.

Согласно исследованию В.Ф. Анурина, основные социально-экономические страты российского общества составляют бизнесмены (9,6% от числа опрошенных), наемные работники предприятий и учреждений государственного сектора (55,6% от числа опрошенных) и наемные работники, занятые в частных организациях (10,6% от числа опрошенных)¹. В отдельную социально-экономическую группу были выделены менеджеры, чья суммарная численность составила 10,2% от числа опрошенных². Выделение менеджеров в отдельную группу подчеркивает промежуточное положение управленцев, которые строго формально являются представителями группы лиц наемного труда, но при этом они также принимают важные решения по управлению собственностью, как частной, так и государственной.

Схожее разделение российского общества на два основных класса дано в коллективной работе “Социальная стратификация современного российского общества. Аналитическое обозрение”. Согласно исследованию, проведенному под руководством И.Н. Лапина в период с 1990 по 1994 г., доля респондентов, занятых в старых формах хозяйствования, снизилась на 23% — с 91 до 68%. Доля занятых в новых хозяйственных структурах (собственное дело, частная фирма, фермерское хозяйство, кустарное или ремесленное предприятие) возросла с 0,9 до 10,1%, а в переходных структурах — с 4,8 до 20,8%³.

Постепенно в российских исследованиях стратификации классовый критерий отношения к собственности на средства производства стал усложняться. Он дополнился профессионально-образовательным критерием, а также критерием уровня семейного дохода. Иллюстрацией может служить исследование Т.И. Заславской, которая использует не один, а целую группу критериев. К ним относятся уровень образования, самооценка квалификации, основное занятие, основной род деятельности, отрасль занятости, сектор экономики по форме собственности, размер предприятия (организации, фирмы), профессионально-должностная группа

---

¹ См.: Анурин В.Ф. Экономическая стратификация: аттитюды и стереотипы сознания // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 107.

² Там же. С. 108.

³ Социальная стратификация современного российского общества. Аналитическое обозрение / Отв. ред. Л.А. Беляева. М., 1995. С. 20–21.

(по содержанию выполняемой работы и по оценке самих респондентов), а также уровень личных и семейных доходов в оценке, элиминирующей влияние инфляции⁴.

Используя эти критерии, Т.И. Заславская выделяет в российском обществе четыре социальных слоя, а также десоциализированное “социальное дно”. Первый слой получил обозначение “верхний”, именно его представители обладают реальной экономической властью. Второй выделенный слой обозначается как “средний”. К нему отнесены “мелкие предприниматели, полупредприниматели, менеджмент средних и небольших предприятий, среднее звено бюрократии, старшие офицеры, наиболее квалифицированные и дееспособные специалисты и рабочие”⁵. Третий слой Т.И. Заславская называет “базовым”. От среднего слоя базовый слой отличается по двум основным параметрам: уровню дохода и поведенческому компоненту, включающему в себя уровень образования и ориентацию не на преобразование, а на адаптацию к сложившимся условиям. В базовый слой, по мнению Т.И. Заславской, попадают профессиональные группы, составляющие в западных обществах массовый средний класс: основная часть интеллигенции (специалистов), полуинтеллигенция (помощники специалистов), служащие из технического персонала, работники массовых профессий торговли и сервиса, а также большая часть крестьянства. Основу четвертого слоя, получившего название “нижний”, составляют очень разнородные социальные группы. В отдельную группу выделяется “социальное дно”, отличающееся прежде всего принципиальной или частичной нелегитимностью поведения. На основании анализа данных “Мониторинга экономических и социальных перемен в России”, проводимого ВЦИОМ с марта 1993 г., Т.И. Заславская делает вывод, что в 1993–1995 гг. процентное соотношение выделенных слоев друг к другу составляло 1:24:68:7⁶.

Иной подход к изучению стратификации российского общества в качестве ключевого критерия выделяет уровень доходов. Данный подход в качестве теоретического основания использует, как правило, неовеберовские теории, использующие понятие “жизненные шансы”, главным критерием которого считается именно уровень дохода. Отметим, что в отечественной практике данный подход начинает использоваться в конце 90-х гг. XX в., когда уровень доходов стал достаточно надежным, точным и достоверным критерием стратификации в российских условиях.

---

⁴ Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 11.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Там же. С. 13.

Установить зависимость между уровнем дохода и принадлежностью к определенной социальной страте пытается В.А. Лепехин, опираясь на результаты анализа данных Госкомстата, проведенного аналитическим центром “Ай-кью”. Первой выделенной стратой В.А. Лепехин называет “богатых”: их численность составляет не более 1,5% населения России. Пороговый показатель дохода, очерчивающий данную страту и устанавливающий нижнюю границу принадлежности к ней, находится на уровне 10000 долларов месяца на семью из четырех человек⁷.

Вторая страта обозначена В.А. Лепехиным как “средний класс”, и ее численность — около 25% россиян. В качестве порогового показателя нижней границы уровня дохода автор использует международный классический показатель уровня дохода среднего класса — 1000 долларов в месяц. Важно, что в рамках западного среднего класса данная цифра должна составлять доход, приходящийся на каждого члена семьи, даже если он фактически является иждивенцем. В российском же исследовании подобный доход — это доход на всю семью. К так называемым “бедным” относится 70% населения России.

Некоторое уточнение критерий дохода претерпел у Т.Ю. Богомоловой, в работе которой денежный доход выражен не в рублях, а в количестве прожиточных минимумов (ПМ), приходящихся на одну потребительскую единицу (ПЕ). Т.Ю. Богомолова пишет: “Отбор осуществлялся на основе критерия Колмогорова-Смирнова, который позволяет сравнивать эмпирическую функцию распределения с теоретическим распределением. Наилучшей оказалась шкала, выделяющая 10 страт: 1) до 0,5 ПМ/ПЕ; 2) 0,5–1,0; 3) 1,0–1,5; 4) 1,5–2,5; 5) 2,5–3,5; 6) 3,5–4,5; 7) 4,5–7,0; 8) 7,0–10,0; 9) 10,0–15,0; 10) более 15 ПМ/ПЕ”⁸.

После проведения группировки выделенных десяти страт было выделено четыре основных слоя, обозначенных как высший, верхний средний, нижний средний и низший слои. Согласно данным 1998 г., соотношение указанных слоев можно обозначить как 0,7:5,4:26,4:67,5. Полученные данные находятся приблизительно на том же уровне, что и в других исследованиях того же периода.

Дискуссию о преимущественно нисходящей социальной мобильности россиян в 90-е гг. XX в. поддерживает и М.Н. Руткевич. В рамках своей статьи о социальной, культурной и технической деградации российского общества, он использует данные социаль-

⁷ См.: Лепехин В.А. Стратификация в современной России и новый средний класс // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 36.

⁸ См.: Богомолова Т.Ю. Экономическая стратификация населения России в 90-е годы // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 35.

но-экономических исследований, чтобы проиллюстрировать обозначенную им самим тенденцию. Ссылаясь на сводку Госкомстата за 1996 год, М.Н. Руткевич утверждает, что с точки зрения уровня доходов 73,7% россиян относятся к бедным или нищим⁹. В качестве дополнительного аргумента в пользу своей гипотезы о нисходящей мобильности М.Н. Руткевич использует децильный коэффициент, на примере которого демонстрирует тенденцию социальной поляризации российского населения. Коэффициент составляет, по оценкам автора, 12–13, в то время как в СССР децильный коэффициент не превышал 5¹⁰.

В целом исследования, ориентированные на экономические критерии стратификации, рисуют приблизительно схожую картину стратификации российского общества. Она характеризуется четырьмя основными слоями, превалирующим из которых по численности является базовый или нижний средний, занимающий, по разным оценкам, от 2/3 до 3/4 российского общества. Средние слои (верхний средний слой) составляют не более 1/4 населения России.

Другой подход к изучению стратификационной картины российского общества основан на использовании критерия самоидентификации. В российских реалиях данный критерий в 90-е гг. XX в. давал неожиданные результаты. В рамках исследования, базировавшегося на данных “Мониторинга социальных и экономических перемен в России”, проведенного ВЦИОМ в 1996 г., респонденты должны были сами отнести себя к нижнему, рабочему, среднему или высшему слою. Итоговое распределение показало, что к нижнему слою себя отнесли 12,9% опрошенных, к рабочим — 37,9, к среднему слою — 39,7 и, наконец, к высшему — 1,2% опрошенных¹¹. Автор исследования отдельно отмечает, что наблюдаются очевидные расхождения базового самоопределения респондентов и факторов, оказывающих влияние на самоопределение¹². Приходится признать, что в российских условиях критерий самоидентификации в чистом виде оказывается нерелевантным: он не коррелирует с объективными критериями стратификации, поскольку противоречив, фактически опирается на совокупность критериев, различных среди представителей разных слоев.

Иной вариант использования субъективных критериев стратификации предполагает выявление оценок степени удовлетворенности своей жизнью. Фактически это означает использование

---

⁹ См.: Руткевич М.Н. Процессы социальной деградации в российском обществе // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 6.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Громова Р.Г. Социальная стратификация в самооценке россиян // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 6.

¹² Там же.

критерия качества жизни. Так, Г.Л. Воронин пишет: «...отвечая на вопрос: “Кому на Руси жить хорошо!”, считаем, что к таковым в 1998 г. относилось 18,9% населения России»¹³. Это оказывается сопоставимым с численностью представителей высшего и среднего слоев. При этом число респондентов, твердо заявивших о негативных оценках своего положения, составило 38,9%. Оставшаяся часть по уровню жизни вполне ожидаемо относится к базовому слою россиян, являющемуся фактически срединным.

Еще один вариант использования субъективных критериев при оценке стратификации российского общества в конце XX в. — это раскрытие типов ментальности россиян и сопоставление этих типов с разделением общества по объективным критериям. Например, Н.Е. Тихонова выделяет три основных типа ментальности: «Первая, объединяющая примерно треть россиян, может быть охарактеризована как носители патерналистско-эгалитаристского типа ментальности <...> Вторую группу, также представленную достаточно отчетливо, характеризует индивидуалистически-либеральный тип ментальности. При решении своих проблем эти люди ориентируются прежде всего на собственные силы, они убеждены, что можно самому управлять своей судьбой, спокойно относятся к социальной дифференциации и в целом положительно к “новым русским” <...> Наконец, остальная часть населения (примерно половина) представляет собой промежуточный тип»¹⁴. При этом, как отмечает автор, наблюдается жесткая корреляция между численностью носителей типов ментальности и основными социальными слоями. Таким образом, оценка поведенческого компонента в жизни россиян жестче коррелирует с объективными критериями стратификации, чем достаточно абстрактный критерий самоидентификации.

Если оценивать первый этап трансформации стратификационной картины российского общества, то можно сделать ряд основных выводов. Во-первых, авторы вполне солидарны в оценке основных слоев российского общества и их численности. Во-вторых, практически все исследователи отмечают возрастание децильного коэффициента и социальной поляризации. В-третьих, в работах фактически отсутствует понятие “средний класс”, вместо него используется понятие “средние слои”, что говорит о настороженном отношении авторов к понятию “средний класс”.

Второй этап трансформации стратификационной картины российского общества занял период с 2000 до 2008 г. В это время тема-

---

¹³ Воронин Г.Л. Социальное самочувствие россиян (1994–1996–1998 гг.). “Мерцающая” стратификация // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 65.

¹⁴ Тихонова Н.Е. Динамика социальной стратификации в постсоветском обществе // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 9.

тика работ по стратификации российского общества существенно расширилась за счет исследований, посвященных отдельным стратам или слоям российского социума. В частности, в отдельное направление оформилось изучение феномена бедности в российском обществе. Подобные исследования стали возможными по причине закрепления данного феномена в российских условиях. Так, О.И. Шкаратан, Н.Е. Тихонова, Т.И. Заславская начали работать в рамках данной тематики.

Основные подходы к изучению стратификационной картины российского общества, разработанные в предшествующий период, сохранились. Сохранил свою актуальность классовый подход. Например, М.Н. Руткевич выделяет в российском обществе два “полюса”. На одном из них находится крупная и мелкая буржуазия, причем сюда же исследователь отнес и российскую высшую бюрократию, предложив использовать генерализирующее понятие: “бизнес-бюрократия”¹⁵. На другом “полюсе” М.Н. Руткевич располагает представителей наемного труда, разделяя их на три основные группы: занятые в организациях иностранного капитала, занятые в частных организациях и занятые в государственном секторе экономики — бюджетники. Завершают стратификационную картину российского общества в представлении М.Н. Руткевича группы пенсионеров и безработных.

Наряду с критериями классового подхода продолжает использоваться количественный критерий уровня доходов, однако он встречается все реже, как правило, в статистических источниках, а не в работах социологов. Согласно данным середины 2000-х гг., стратификационная картина российского общества претерпела незначительные, по сравнению с предшествующим периодом, изменения. Выделяются следующие социальные слои:

— богатые (средства, которыми они владеют, позволяют им не только удовлетворять потребности, но и организовать самостоятельную экономическую деятельность) — 7% населения;

— состоятельные (у них средств достаточно не только для высокого уровня жизни, но и для приумножения капитала) — 5,3% населения;

— обеспеченные (имеющихся у них средств им достаточно для обновления предметов длительного пользования, улучшения жилищных условий за свой счет или с помощью кредита, для собственного переобучения и образования детей, организации отдыха во время отпуска) — 15,8% населения;

---

¹⁵ См.: Руткевич М.Н. Трансформация социальной структуры российского общества // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 42.

– малообеспеченные (заработанных средств им хватает только на повседневные расходы и в случае крайней необходимости — минимум средств на лечение и укрепление здоровья) — 57% населения;

– неимущие (они имеют лишь минимальные средства только для поддержания жизни, средств для улучшения своего существования у них нет) — 20,2% населения¹⁶.

Попыткой адаптации критерия уровня доходов к исследованию стратификации российского общества стала его трансформация в критерий расчета индекса уровня жизни, предусматривающего самооценку россиянами своего материального положения по ряду параметров. К ним относятся: 1) субъективные оценки наличия наиболее значимых форм депривации; 2) имущественная обеспеченность; 3) наличие недвижимости, которой можно было пользоваться в повседневной жизни, но которую можно и продать, получив дополнительный финансовый ресурс; 4) качество жилищных условий; 5) наличие денежных сбережений и вкладов в различных формах; 6) возможность использования платных социальных услуг; 7) досуговые возможности, связанные с дополнительными расходами¹⁷.

Н.Е. Тихонова, Н.М. Давыдова и И.П. Попова, авторы работы “Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества”, фиксируют углубление социальной поляризации и делают вывод о неспецифичности структуры российского общества. Они также констатируют, что медианный уровень жизни в современной России фактически означает жизнь малообеспеченную, что ставит вопрос о росте масштабов бедности, в которой оказывается более трети населения России¹⁸.

Кроме вышеуказанной работы на материальных критериях стратификации российского общества также базировались исследования авторского коллектива Института социологии РАН. Ключевым фактором, который способствует трансформации стратификационной картины российского общества, в этих исследованиях названо изменение форм собственности. Фактически этот фактор синтезирует в себе классовый, профессиональный и доходový критерии.

В исследовании Института социологии РАН выделен ряд принципиально новых социально-экономических групп, оформившихся в 2000-х гг. в российском обществе. К вновь оформившимся груп-

---

¹⁶ Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. М., 2002.

¹⁷ См.: Тихонова Н.Е., Давыдова Н.М., Попова И.П. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 123.

¹⁸ Там же. С. 128–129.

пам относят представителей средних слоев, в частности, так называемых “новых средних”, к которым принадлежит около трети россиян и значительная часть которых занята в государственном секторе экономики. Данная группа характеризуется как малообеспеченная и, по признанию авторов, не претендует на соответствие среднему классу¹⁹. Это является важной и специфической тенденцией развития стратификационной картины российского общества²⁰.

Ключевыми группами, оказывающими решающее влияние на развитие российского общества, авторы называют представителей малого бизнеса и профессионалов-менеджеров. В исследовании отмечена важная тенденция — развитие группы управленцев и чиновников как экономической, так и политической сферы жизни общества. К 2007 г. численность этой группы в России достигла 7% всего населения²¹.

На рассматриваемом втором этапе исследований стратификации российского общества продолжает использоваться многокритериальный подход. Так, Т.И. Заславская (в отличие от своих же исследований конца XX в.) выделяет в структуре российского общества пять основных социальных слоев, а также андеркласс, “социальное дно”²².

Схожую по составу, но отличную по численности представителей стратификацию российского общества представляет исследование компании “РОМИР-мониторинг”. По итогам этого исследования выделяются пять основных слоев общества. К верхнему слою отнесены 7% населения страны, при этом в его состав входит как элитная, так и субэлитная социальная группа, что объясняет существенные размеры данной группы.

К среднему классу исследователи “РОМИР-мониторинг” относят 14% населения страны, отдельно отмечая невысокий уровень доходов, фактически солидаризируясь с мыслью о “новых бедных” в структуре современного российского общества. В базовый класс включены 29% населения, а нижний класс составляет 31% россиян, различия между этими слоями заключается не только в оценке материального положения и профессионального статуса, но и в уровне “деятельностного потенциала”, т.е. в их роли в раз-

---

¹⁹ Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 2008. С. 99.

²⁰ См.: Дыльнова Т.В. Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России // Вестн. РУДН. Сер. Социология. 2004. № 6—7. С. 167.

²¹ Там же. С. 101.

²² См.: Заславская Т.И. Современное российское общество: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 7.

витии современного российского общества. Наконец, большое число россиян — 19% — отнесено к социальному дну.

Другой вариант стратификации российского общества представлен в исследовании журнала “Эксперт”, проведенного под руководством М. Тарсусина. В основу данного исследования изначально был положен стратификационный подход, при использовании которого под основным критерием подразумевается социальный статус индивида. В свою очередь социальный статус определялся престижностью профессии и уровнем материальной обеспеченности. Первой группой, зафиксированной исследовательским коллективом журнала “Эксперт”, стал верхний средний класс, а его численность была определена как 9,9% населения России²³. Помимо “верхнего среднего класса” средний класс включает в себя “средний средний класс” — 15,5% населения. Обращает на себя внимание, что численность группы совпадает с оценками численности среднего слоя в исследованиях, основанных на классовом критерии и критерии уровня дохода. Далее следуют три группы, объединенные в низший класс, суммарная численность которого определяется в 74%²⁴.

Отдельно от уже представленных подходов к изучению структуры российского общества выделим попытку Н.Е. Тихоновой создать новый ресурсный подход. Она справедливо указывает на своеобразную конвергенцию классового и стратификационного подхода, отмечая запутанность современных критериев. Теоретической основой ресурсного подхода Н.Е. Тихоновой служит концепция капиталов П. Бурдьё, в ряду которых последний выделяет экономический, социальный и культурный капиталы. Н.Е. Тихонова же в свою очередь выделяет основные ресурсы, играющие роль критериев стратификации в современном российском обществе. К их числу можно отнести экономический, квалификационный, социальный, властный, символический, физиологический, культурный и личностный ресурсы, каждый из которых можно представить в виде шкал²⁵. Из их числа автор отобрала наиболее значимые с точки зрения стратификации российского общества ресурсы — экономический, властный, квалификационный, социальный и культурный.

Используя ресурсный подход, Н.Е. Тихонова выделяет в стратификации российского общества три основные группы/класса: исполнителей, капиталистов и третий класс, обозначенный как

---

²³ Реальная Россия: социальная стратификация современного российского общества. М., 2006. С. 67.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М., 2007. С. 227–228.

средний, занимающий промежуточное положение в системе стратификации российского общества²⁶. Таким образом, ресурсный подход описывает стратификационную картину российского общества схожим с классовым подходом образом, хотя имеет другие теоретические основания.

Наиболее развернутое исследование динамики стратификационной картины российского общества представлено в работах О.И. Шкаратана, который проявляет интерес как к общей системе стратификации, так и к отдельным группам российского общества. К примеру, он одним из первых констатирует закрепление в 2000-х гг. раскола между сравнительно благополучной частью населения и подавляющим обнищавшим большинством (число последних он оценивает в 85%)²⁷.

В рамках своей монографической работы 2006 г. О.И. Шкаратан фиксирует становление новых форм социального расслоения в России, повторяя классическое разделение российского общества на слой элиты, низшие слои и срединные слои, которые автор не отождествляет со средним классом²⁸. В 2008 г. О.И. Шкаратан, оперируя данными по уровню доходов, уже отмечает, что уровень жизни россиян в целом вырос²⁹. Однако подобный рост не повлиял кардинально на изменение стратификационной картины российского общества. Напротив, О.И. Шкаратан вновь акцентирует внимание на хронической бедности и выделяет проблему выживания как основную социальную проблему современного российского общества³⁰. Согласно позиции О.И. Шкаратана, в России сложилась специфическая дуалистическая социальная стратификация, сочетающая сословную (доминирующую) и социально-профессиональную иерархии. Первая есть продукт преобладания властно-собственнических отношений, а вторая является результатом отношений, складывающихся на специфическом российском рынке труда³¹.

Отличается от вышеописанных взгляд на стратификационную картину российского общества С.Г. Кордонского. Последний критикует классовый подход к изучению стратификации российского

---

²⁶ Там же. С. 272–277.

²⁷ См.: Шкаратан О.И. Социальное расслоение в современной России: драма расколотого общества // Мир России. 2004. Т. 13. № 1. С. 6.

²⁸ См.: Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. М., 2006. С. 124.

²⁹ См.: Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009. С. 64.

³⁰ Там же. С. 77.

³¹ См.: Шкаратан О.И. Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: динамика уровня жизни и положение социальных низов // Мир России. 2008. Т. 17. № 4.

общества на основании того, что «...граждане России, даже принимая для других сограждан различие богатых и бедных, затрудняются определить свое собственное место в классовой структуре. Понятия “богатство” и “бедность” в эмпирическом исследовании нашего общественного устройства, как правило, трудно операционализировать»³². На этом основании С.Г. Кордонский считает возможным оперировать понятием “сословие” для определения основных групп российского общества. Основным отличием современного сословного общества является снижение социальной мобильности и ориентация на жесткую вертикальную иерархию. При этом современные постсоветские сословия нельзя считать полноценными, поскольку отсутствуют сословные организации, общества и суды, у них нет права самоуправления, а члены сословий не обладают сословным самосознанием и менталитетом. Более того, члены современных российских сословий чаще всего не рефлексируют по поводу своей принадлежности к сословию. Вместо этого у них — профессиональная самоидентификация³³.

Если оценивать итоги второго этапа трансформации стратификационной картины российского общества, то можно сделать несколько основных общих выводов. На втором этапе (2000—2008 гг.) стратификация российского общества не претерпела значимых изменений по сравнению с предыдущим этапом развития, произошло лишь закрепление сложившейся на первом этапе модели стратификации. На втором этапе стали выделять третью страту средних слоев, которые не играют значимой роли в стратификационной картине. Общий уровень жизни в среднем растет, однако углубляются процессы социальной поляризации, формируется феномен стабильной или хронической бедности.

Третий этап трансформации стратификационной картины российского общества — это время с 2008 г. до настоящего момента. Основные работы современного периода можно разделить на две крупные группы. Представители первой группы говорят о смещении вектора исследований стратификационной картины современного российского общества. В качестве нового направления изучения стратификационной картины российского общества они рассматривают понятия “творчество”, “преобразование”, “креативность” применительно к профессиональной стратификации общества.

Так, В.А. Аникин указывает на то, что хотя господствующее положение сохраняется за собственниками традиционных видов капитала, все чаще ключевую роль в распределении ресурсов среди

---

³² См.: Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М., 2008. С. 36.

³³ Там же. С. 73.

наемных работников начинает играть знание как специфический актив. Об этом свидетельствует зафиксированный экономистами в конце 1990-х гг. разрыв в оплате высококвалифицированного и неквалифицированного труда в развитых странах, преимущественно в США³⁴. При этом в меньшей степени автор уделяет внимание анализу реального российского общества, а не его эталонного аналога.

Идея использования понятия “креативность” в вопросе изучения стратификации общества развивается в работах культурологов, исследующих современное российское общество. Отмечается, что развитие творческого потенциала ряда профессий, характерных для постиндустриального общества, приводит к экономическому росту. Подобные исследования сформировались под воздействием западных исследований “креативного класса”³⁵, однако авторы этих исследований не всегда адекватно оценивают реальную стратификационную картину российского общества на текущий момент.

Представители второй группы продолжают развивать идеи и эмпирические исследования, начатые на предыдущих этапах трансформации стратификационной картины российского общества. В работах этой группы выдвигается тезис о закреплении сложившейся системы социального неравенства и невозможности кардинальных изменений в социальной стратификации российского общества.

Примером может служить работа О.И. Шкаратана, в которой он фиксирует основные тенденции социально-профессиональной стратификации российского общества в последние двадцать лет. Первая тенденция, которую выделяет О.И. Шкаратан, — это постепенное увеличение доли предпринимателей до 2002 г., стабилизация данной профессиональной группы в период экономического благополучия страны и снижение количественного состава данной группы после 2008 г. Вторая значимая тенденция — резкое снижение за последние двадцать лет доли высококвалифицированных специалистов в профессиональной структуре российского общества. Третьей тенденцией названо постепенное снижение основной массы профессионалов, к которым относятся наемные работники государственного сектора экономики (бюджетники)³⁶. Данные тенденции, с точки зрения О.И. Шкаратана, отражают закрепление сложившейся стратификационной системы российского общества.

---

³⁴ См.: *Аникин В.А.* Профессиональная структура населения и тип экономического развития страны // *Terra economicus*. 2013. Т. 11. № 2. С. 45.

³⁵ *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2011. С. 85.

³⁶ См.: *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012. С. 372–373.

Кроме того О.И. Шкаратан предлагает новый вариант стратификации российского общества, основанный на синтезе профессионального критерия и критерия владения собственностью на производство. Выделены собственники-бизнесмены, составившие 4,1% населения России, менеджеры-миноритарии, чья численность составила 1,7% населения страны, группа мелких собственников и самозанятых включает в себя лишь 1,6% всего населения. Помимо этих О.И. Шкаратан выделяет группу супервайзеров-несобственников, к которым принадлежат 15,8% россиян, и группу исполнителей-миноритариев — 3,2%. Наконец, исследователь выделяет наиболее многочисленную и наименее материально обеспеченную социальную группу исполнителей-несобственников, которые составляют 73,6% населения России³⁷. Подобное разделение продолжает характерное для российского общества разделение на страты, более того, демонстрирует стабильность подобного разделения.

О тенденции стабилизации социальной стратификации российского общества говорится и в ряде других работ. Так, Л.А. Беляева считает, что перспективы России связаны с модернизацией экономики и развитием рыночных отношений при соответствующих изменениях профессиональной и образовательной структур населения. Образование должно стать наиболее актуальным каналом социальной мобильности в современной России, однако возрастающее социальное неравенство, как опасается автор, в недалеком будущем способно закрыть и этот канал социальной мобильности, снизив возможности молодежи России по развитию социального и культурного капиталов³⁸.

Другие отмеченные тенденции также свидетельствуют, что выявленные на предыдущих этапах развития стратификационной картины российского общества процессы продолжают. К примеру, отмечается, что в конце 2000-х гг. децильный коэффициент, по официальным данным, составил 15, а согласно экспертным оценкам, — от 20 до 50³⁹.

В современных отечественных работах анализируется также такой фактор повышения мобильности общества как социальный капитал. С теоретической точки зрения развитие социального капитала повышает трудовую и экономическую конкурентоспособность населения, способствуя росту горизонтальной и вертикальной мобильности в обществе. В свою очередь социальная мобильность

---

³⁷ Там же. С. 386.

³⁸ См.: Беляева Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство (часть 2) // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 3 (97). С. 46.

³⁹ См.: Долматова С.А. Социальные последствия генезиса капитализма в постсоветской России // Социальное измерение экономических процессов / Под ред. Ю.Г. Павленко, В. Соболевой. М., 2009. С. 117.

способствует изменениям стратификационной картины общества. Однако опыт изучения развития социального капитала в российском обществе показывает, что его общая оценка у нас в стране все еще низкая. Анализ проводился по двум основным параметрам — уровню межличностного доверия и уровню институционального доверия. Полученные результаты свидетельствуют о том, что на фоне разрушения старой системы накопления социального капитала и не полной сформированности новой аналогичной системы возможности для социальной мобильности сегодня очень малы⁴⁰.

В работе У.В. Гуренковой подчеркивается, что в настоящее время Россия подходит к новому этапу развития своей социальной структуры, который можно обозначить как институционализация неравенства, или, согласно терминологии, предложенной П. Штомпкой, возникновение прочной иерархии привилегий и лишений в отношении доступа к желаемым благам и ценностям⁴¹. Это проявляется в закреплении неравных стартовых позиций для новых поколений, а также по контрасту — лишениям “проигравших” и их потомков важнейших экономических, политических и культурных ресурсов общества, что блокирует им возможности восходящей мобильности.

Подводя итоги, отметим, что несмотря на существенные расхождения в используемых категориях, методах и критериях российские исследователи выделяют ряд общих тенденций развития российского общества. Итак, трансформация стратификационной картины российского общества в постсоветский период может быть описана как стихийный процесс изменения состава, количества, численности статусных групп, имеющий ряд отличительных признаков. Большинство авторов сходятся в том, что в структуре российского общества можно выделить два основных класса — собственники/капиталисты и работники наемного труда, дополняют которые средние слои, отличающиеся средним уровнем жизни, более высоким, чем у представителей низшего слоя. Средние слои можно условно разложить на базовый/срединный слой и слой, претендующий на позиции классического среднего класса.

Трансформация стратификационной картины постсоветского общества происходила в три этапа. На первом этапе началось распределение по трем основным стратам, на втором — дифференцировались статусные группы, на третьем — закрепились ранее сло-

---

⁴⁰ См.: *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. М., 2007. С. 292.

⁴¹ См.: *Гуренкова У.В.* Анализ динамики изменения экономической стратификации современного российского общества // *Современные исследования социальных проблем.* 2011. № 1 (5). С. 18.

жившаяся система стратификации. Весь процесс трансформации стратификации российского общества сопровождался растущей социальной дистанцией и поляризацией населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникин В.А. Профессиональная структура населения и тип экономического развития страны // Terra economicus. 2013. Т. 11. № 2. С. 41–68 (*Anikin V.A.* Professional'naja struktura naselenija i tip jekonomicheskogo razvitija strany // Terra economicus. 2013. Т. 11. N 2. S. 41–68).

Анурин В.Ф. Экономическая стратификация: аттитюды и стереотипы сознания // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 104–115 (*Anurin V.F.* Jekonomicheskaja stratifikacija: attitjudy i stereotipy soznanija // Sociologicheskie issledovanija. 1995. N 1. S. 104–115).

Беляева Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство (часть 2) // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 3 (97). С. 18–46 (*Beljaeva L.A.* Rossiija i Evropa: struktura naselenija i social'noe neravenstvo (chast' 2) // Monitoring obshhestvennogo mnenija. 2010. N 3 (97). S. 18–46).

Богомолова Т.Ю. Экономическая стратификация населения России в 90-е годы // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 32–43 (*Bogomolova T.Ju.* Jekonomicheskaja stratifikacija naselenija Rossii v 90-e gody // Sociologicheskie issledovanija. 2006. N 9. S. 32–43).

Воронин Г.Л. Социальное самочувствие россиян (1994–1996–1998 гг.). “Мерцающая” стратификация // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 53–66 (*Voronin G.L.* Social'noe samochuvstvie rossijan (1994–1996–1998 gg.). “Mercajushhaja” stratifikacija // Sociologicheskie issledovanija. 2001. N 6. S. 53–66).

Громова Р.Г. Социальная стратификация в самооценке россиян // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 5–15 (*Gromova R.G.* Social'naja stratifikacija v samoocenke rossijan // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1997. N 6. S. 5–15).

Гурenkova У.В. Анализ динамики изменения экономической стратификации современного российского общества // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 1 (5). С. 11–19 (*Gurenkova U.V.* Analiz dinamiki izmenenija jekonomicheskoi stratifikacii sovremennogo rossijskogo obshhestva // Sovremennye issledovanija social'nyh problem. 2011. № 1 (5). S. 11–19).

Долматова С.А. Социальные последствия генезиса капитализма в постсоветской России // Социальное измерение экономических процессов / Под ред. Ю.Г. Павленко, В. Соболевой. М., 2009 (*Dolmatova S.A.* Social'nye posledstvija genezisa kapitalizma v postsovetskoj Rossii // Social'noe izmerenie jekonomicheskikh processov / Pod red. Ju.G. Pavlenko, V. Sobolevoj. M., 2009).

Дьяльнова Т.В. Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России // Вестн. РУДН. Сер. Социология. 2004. № 6–7. С. 161–168 (*Dyl'nova T.V.* Social'naja spravedlivost' i social'noe nera-

venstvo v uslovijah sovremennoj Rossii // Vestn. RUDN. Ser. Sociologija. 2004. N 6–7. S. 161–168).

Заславская Т.И. Современное российское общество: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 5–18 (*Zaslavskaja T.I.* Sovremennoe rossijskoe obshhestvo: problemy i perspektivy // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2004. N 6. S. 5–18).

Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5–23 (*Zaslavskaja T.I.* Social'naja struktura sovremennogo rossijskogo obshhestva // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1997. N 2. S. 5–23).

Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М., 2008 (*Kordonskij S.G.* Soslovnaja struktura postsovetsoj Rossii. M., 2008).

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М., 2007 (*Lebedeva N.M., Tatarko A.N.* Cennosti kul'tury i razvitie obshhestva. M., 2007).

Лепехин В.А. Стратификация в современной России и новый средний класс // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 30–40 (*Lepehin V.A.* Stratifikacija v sovremennoj Rossii i novyj srednij klass // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1998. N 4. S. 30–40).

Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 2008 (*Modernizacija social'noj struktury rossijskogo obshhestva* / Отв. ред. Z.T. Golenkova. M., 2008).

Реальная Россия: Социальная стратификация современного российского общества. М., 2006 (*Real'naja Rossija: Social'naja stratifikacija sovremennogo rossijskogo obshhestva*. M., 2006).

Руткевич М.Н. Процессы социальной деградации в российском обществе // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 3–12 (*Rutkevich M.N.* Processy social'noj degradacii v rossijskom obshhestve // Sociologicheskie issledovanija. 1998. N 6. S. 3–12).

Руткевич М.Н. Трансформация социальной структуры российского общества // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 41–45 (*Rutkevich M.N.* Transformacija social'noj struktury rossijskogo obshhestva // Sociologicheskie issledovanija. 2004. N 12. S. 41–45).

Социальная стратификация современного российского общества. Аналитическое обозрение / Отв. ред. Л.А. Беляева М., 1995 (*Social'naja stratifikacija sovremennogo rossijskogo obshhestva. Analiticheskoe obozrenie* / Отв. ред. L.A. Beljaeva M., 1995).

Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. М., 2002 (*Social'noe polozhenie i uroven' zhizni naselenija Rossii. Statisticheskij sbornik*. M., 2002).

Тихонова Н.Е. Динамика социальной стратификации в постсоветском обществе // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 5–14 (*Tihonova N.E.* Dinamika social'noj stratifikacii v postsovetsoem obshhestve // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1997. N 5. S. 5–14).

Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М., 2007 (*Tihonova N.E.* Social'naja stratifikacija v sovremennoj Rossii: opyt jempiricheskogo analiza. M., 2007).

Тихонова Н.Е., Давыдова Н.М., Попова И.П. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 120–129 (*Tihonova N.E., Davydova N.M., Popova I.P.* Indeks urovnja zhizni i model' stratifikacii rossijskogo obshhestva // Sociologicheskie issledovanija. 2004. N 6. S. 120–129).

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2011 (*Florida R.* Kreativnyj klass: ljudi, kotorye menjajut budushhee. М., 2011).

Шкаратан О.И. Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: динамика уровня жизни и положение социальных низов // Мир России. 2008. Т. 17. № 4. С. 50–70 (*Shkaratan O.I.* Vosproizvodstvo social'no-jekonomicheskogo neravenstva v postsovetskoj Rossii: dinamika urovnja zhizni i polozhenie social'nyh nizov // Mir Rossii. 2008. T. 17. N 4. S. 50–70).

Шкаратан О.И. Социальное расслоение в современной России: драма расколотого общества // Мир России. 2004. Т. 13. № 1. С. 3–48 (*Shkaratan O.I.* Social'noe rassloenie v sovremennoj Rossii: drama raskolotogo obshhestva // Mir Rossii. 2004. T. 13. N 1. S. 3–48).

Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012 (*Shkaratan O.I.* Sociologija neravenstva. Teorija i real'nost'. М., 2012).

Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009 (*Shkaratan O.I.* Social'no-jekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoj Rossii. М., 2009).

Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. М., 2006 (*Shkaratan O.I., Il'in V.I.* Social'naja stratifikacija Rossii i Vostochnoj Evropy: sravnitel'nyj analiz. М., 2006).